ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ
PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

УДК 34.03

Оригинальное эмпирическое исследование

https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-2-62-68

EDN: IIKYZQ

Интеграция искусственного интеллекта и цифровых технологий в коммерческие правоотношения в Российской Федерации: актуальное состояние и перспективы развития

А.Б. Шумилина ✉, **Н.А. Анциферова**
Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
✉ nashum82@mail.ru

Аннотация
Введение. Цифровые технологии все шире применяются в современных бизнес-процессах благодаря увеличению скорости, прозрачности и эффективности проводимых операций. Однако системы правового регулирования сталкиваются с проблемами объективного контроля за цифровой активностью предприятий, предупреждения потенциальных рисков и установления мер ответственности за правонарушения и вред, причиненный использованием искусственного интеллекта (ИИ). Недостаточно изучена специфика реализации коммерческих правоотношений в условиях их стремительной цифровизации: квалифицирующие признаки систем ИИ в рамках проведения сделок, заключения договоров и иных составляющих хозяйственных отношений подразумевают их автоматизацию посредством компьютерных алгоритмов, вследствие чего возникают вопросы об эффективности цифровых решений, правосубъектности ИИ и ответственности участвующих сторон. Целью исследования является углубленный анализ актуального состояния и перспектив развития коммерческого и предпринимательского права в России в связи с интеграцией систем ИИ в сферу бизнеса.

Материалы и методы. Материальной базой послужили нормативно-правовые исследования ученых разных стран, касающиеся распространения и использования систем ИИ. В работе был использован ряд общенаучных и частнонаучных методов, включая дескриптивный, аналитический, структурирование, моделирование и прогнозирование.

Результаты исследования. Установлено, что несмотря на существенные преимущества систем ИИ в качестве электронных агентов, цифровых посредников, алгоритмов обработки данных и автоматизации документооборота, их применение в бизнесе требует глубокой проработки законодательства и договорных взаимодействий для выстраивания гибкого дифференцированного подхода в системе управления, способной учитывать специфику правосубъектности ИИ с последующим ограничением рисков и рациональным распределением ответственности.

Обсуждение и заключение. Работоспособность и неограниченные возможности искусственного интеллекта по некоторым характеристикам превосходят человеческие, в связи с чем растёт необходимость внесения корректив в существующее в стране коммерческое и предпринимательское право. Утверждение отдельных государственных предписаний не позволяет решить все трудности, возникающие в процессе цифровизации бизнес-структур, поэтому необходимо комплексное переосмысление действующих нормативных доктрин.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правосубъектность искусственного интеллекта, цифровые технологии, коммерческие правоотношения, коммерческое право, предпринимательское право

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензенту, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Шумилина А.Б., Анциферова Н.А. Интеграция искусственного интеллекта и цифровых технологий в коммерческие правоотношения в Российской Федерации: актуальное состояние и перспективы развития. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2025;3(2):62–68. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-2-62-68

Original Empirical Research

Integration of Artificial Intelligence and Digital Technologies into the Legal Relationships under the Commercial Law in the Russian Federation: Status Quo and Prospects of Development

Anastasia B. Shumilina ✉, **Natalia A. Antsiferova**
Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation
✉ nashum82@mail.ru

Abstract

Introduction. Within modern business processes, the use of digital technologies grows due to their ability to accelerate and increase transparency and efficiency of operations. However, within the legal regulation systems there arise the problems of objective monitoring of enterprise digital activity, preventing potential risks and establishing measures of liability for offenses and damages caused by the use of artificial intelligence (AI). The features of rapidly digitalized legal relationships in the frame of the Commercial Law still remain insufficiently studied, e.g.: identifying signs of AI systems while entering business deals, signing contracts and performing other kind of business activities, which imply automation by means of computer algorithms. Therefore determination of the efficiency of digital solutions, AI legal personality and liability of the parties involved is required. The aim of the present research is to carry out an in-depth analysis of the Commercial and Entrepreneurial Law status quo in Russia in the context of AI systems integration into the business sector.

Materials and Methods. Within the research, the works of scholars from different countries referring to the regulatory framework for distribution and use of AI systems have been studied. A number of general scientific and specific scientific methods have been used including descriptive, analytical, structuring, modeling and forecasting methods.

Results. Despite the significant advantages of AI systems as the electronic agents, digital intermediaries, data processing algorithms and document flow automation means, it has been ascertained, that their use in business sector requires in-depth revision of legislation and contractual framework to develop a management system with flexible differentiated approach, capable of taking into account the features of AI legal personality and entailed risk limitations and rational distribution of liabilities.

Discussion and Conclusion. Working capacity and unlimited capabilities of the artificial intelligence surpass the human ones in some parameters, therefore there grows the need to amend the Commercial and Entrepreneurial Law currently acting in the country. The range of problems arising in the context of digitalization of business structures can not be resolved by issuing separate governmental directives. Thus, a comprehensive reconsideration of the acting regulatory doctrines is necessary.

Keywords: artificial intelligence, legal personality of artificial intelligence, digital technologies, legal relationships under the Commercial Law, Commercial Law, Entrepreneurial Law

Acknowledgements. The authors are grateful to the reviewer for critical evaluation of the material and providing proposals on its improvement, which contributed significantly to enhancement of the article quality.

For Citation. Shumilina AB, Antsiferova NA. Integration of Artificial Intelligence and Digital Technologies into the Legal Relationships under the Commercial Law in the Russian Federation: Status Quo and Prospects of Development. *Legal Order and Legal Values*. 2025;3(2):62–68. https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-2-62-68

Введение. Коммерческие правоотношения всегда отличались от других видов правовой активности своей адаптивностью к изменениям во внешней среде (законодательные нововведения, смена государственного политического курса, нестабильность на рынке труда, глобальные кризисы, социокультурные факторы и т.д.). Одним из рычагов воздействия на модернизацию коммерческого и предпринимательского права также является научно-технический прогресс и повсеместное распространение цифровых технологий. С конца прошлого столетия стали активно развиваться экспертные системы, робототехника, гибкие вычислительные методы, вероятностные измерения, стимулированное обучение [1, с. 24] и иные инструменты. За последние десятилетия технологические достижения кардинально трансформировали всевозможные бизнес-процессы, начиная от организационных принципов функционирования компаний и заканчивая взаимодействиями между производителем и потребителем. В современном профиле коммерческого права достижения искусственного интеллекта (ИИ) все чаще используются для заключения контрактов, оценки рисков и разрешения споров. Такие технологии повышают эффективность, уменьшают человеческие ошибки и улучшают транзакционные процессы, предлагая существенные преимущества для бизнеса и потребителей посредством обеспечения прозрачности и автоматизации и сводя к минимуму потребность в посредниках.

В то же время мировые юрисдикции сталкиваются с проблемой регулирования границ использования искусственного интеллекта в рамках правовых систем, включая механизмы контроля за цифровой активностью предприятий, определение потенциальных рисков и установление мер ответственности за правонарушения и вред, причиненный использованием систем ИИ [2, с. 42]. В текущих условиях нет универсальной модели решения обозначенных проблем: некоторые государства обновляют действующие законы или создают новые, чтобы решить проблемы безопасной интеграции цифровых технологий в систему права и деловую среду (Россия, Германия, Канада); другие – прибегают к полному запрету или существенным ограничениям на реализацию определённых цифровых систем (Иран, Италия). Такая заинтересованность мирового сообщества в разработке стратегий регулирования процесса имплементации инновационных технологий обосновывается масштабностью их распространения и недостаточной изученностью, что заключает в себе потенциальные угрозы безопасности, здоровью и защите прав человека. Существует значительный пробел в научном знании о специфике реализации цифровых технологий в области коммерческого и предпринимательского права, поскольку квалифицирующие признаки систем ИИ в рамках проведения сделок, заключения договоров и иных составляющих хозяйственных отношений подразумевают их автоматизацию посредством компьютерных алгоритмов, вследствие чего возникают вопросы об эффективности цифровых решений, правосубъектности ИИ и ответственности участвующих сторон. Целью данного исследования является углубленный анализ актуального состояния и перспектив развития коммерческого и предпринимательского права в Российской Федерации в связи с интеграцией систем искусственного интеллекта в сферу бизнеса.

Материалы и методы. В качестве материальной базы выступили нормативно-правовые исследования ученых разных стран в области распространения и использования систем ИИ. Стержневым методом данного исследования стал дескриптивный анализ теоретических и практических обоснований применения систем искусственного интеллекта в бизнес-процессах и коммерческих правоотношениях. Аналитический подход в контексте изучения законодательства в области регулирования последствий вмешательства ИИ в деловые отношения успешно реализован за счёт систематизации релевантных международных и отечественных нормативных предписаний, идентифицирующих достоинства и недостатки используемых цифровых технологий. Метод моделирования и прогнозирования дал возможность оценить существующие риски подмены человеческого мышления компьютерными инструментами, а также определить перспективы управления системами ИИ в рамках коммерческого и предпринимательского права.

Результаты исследования. Согласно данным «Отчёта об индексе искусственного интеллекта», представленного Стэнфордским институтом человеко-ориентированного искусственного интеллекта за 2023 г.[1], в 127 странах количество законопроектов, содержащих термин «искусственный интеллект», принятых на законодательном уровне, возросло с 1 в 2016 г. до 37 в 2022 г. Анализ парламентских записей об ИИ в 81 стране также показывает, что с 2016 г. количество упоминаний ИИ в глобальных законодательных регламентах увеличилось почти в 6,5 раз. Первопроходцем в управлении деятельности ИИ в различных сферах, в том числе в бизнес-процессах, стал Европейский Союз: в 2021 г. Европейская комиссия предложила проект «Акта об искусственном интеллекте», основанный на риск-ориентированном подходе. В 2024 г. на международном уровне был принят Закон ЕС «Об искусственном интеллекте» с более расширенным регламентом применения систем ИИ. Главным приоритетом ЕС является обеспечение безопасности, прозрачности, отсутствия дискриминации и возможности отслеживания и контроля деятельности ИИ.

В западных странах на сегодняшний день отсутствуют федеральные законы, устанавливающие единый подход к правовому регулированию систем ИИ, а существующие нормативные акты предлагают разрозненные рекомендации и требования. В отношении имплементации ИИ и цифровых технологий в коммерческие правоотношения и бизнес-процессы в международном праве действует Закон ЮНСИТРАЛ «Об электронной торговле» и Конвенция Организации Объединенных Наций «Об использовании электронных сообщений в международных договорах».

На территории России принята Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий ИИ и робототехники, а также Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утверждённая Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490[2]. Однако данные проекты рассматривают развитие и использование технологических достижений в рамках общеотраслевых дисциплин, без учета специфики института юридической ответственности в сфере коммерческого и предпринимательского права. А специфика ИИ в области коммерческих отношений такова, что на сегодняшний день некоторые бизнес-транзакции зависят ис-

[1] URL: https://roscongress.org/materials/otchet-po-indeksu-iskusstvennogo-intellekta-za-2023-god/ (дата обращения: 17.03.2025).
[2] *О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации.* Указ Президента РФ № 490 от 10.10.2019. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102608394 (дата обращения: 17.03.2025).

ключительно от компьютерных программ, которые выполняют функции человека без его участия. Подобные инструменты могут самостоятельно принимать решения о контрактах и заключать сделки после анализа и обработки предоставляемых данных [3, с. 636], проводить электронные закупки и торги, автоматизировать документооборот и др. Одним из наиболее популярных направлений цифровизации коммерческой деятельности является составление электронных договоров, легитимность которых подтверждается электронной подписью оформителя и заказчика. Оформление корпоративных сделок, заключение договоров по продаже и аренде недвижимости, подведение итогов тендеров и онлайн-торгов требует регистрации на сервисах электронного документооборота, функционирование которых частично регулируется Гражданским кодексом РФ (ст. 160, 434, 550, 651), Федеральным законом № 63-ФЗ «Об электронной подписи», Налоговым кодексом РФ и иными нормативными документами. Однако существующие правовые акты носят рекомендательный характер, а в правовой базе РФ на данном этапе отсутствует единый унифицирующий документ по составлению и верификации электронных соглашений. В данной ситуации распространение концепции «электронного договорного права» [4, с. 545] носит амбивалентный характер в силу нематериальности виртуального пространства и технологической среды [4, с. 548].

Что касается электронного документооборота, то при условии систематизации регулятивных механизмов он «предоставляет значительные преимущества для современного бизнеса, такие как: повышение оперативности и прозрачности работы, снижение затрат и улучшение качества услуг. Однако успешное внедрение требует тщательной подготовки, включая обучение кадров и обеспечение информационной безопасности» [5, с. 120].

Автоматизация систем заключения контрактов привела к появлению электронных агентов и умных посредников, цель которых – помочь человеку в выполнении деловых задач, уменьшить финансовые затраты, сократить время заключения сделок и оформления документов [6]. Понятие «электронный агент» можно охарактеризовать как независимую компьютерную программу, которая составляет стратегии решения профессиональных задач без вмешательства человека или другого агента и имеет полный контроль над своими действиями и внутренним функционированием системы [7, с. 214]. Подобные компьютерные программы участвуют в качестве посредника в электронных сделках, выполняя ту же функцию, что и традиционный агент, являющийся физическим либо юридическим лицом.

Цифровые посредники, в отличие от электронного агента, в большой степени выстраивают коммуникативные связи между продавцами и потребителями посредством распространения информации о товаре или услуге, проведения анализа потребительских интересов и конкурентных способностей различных организаций. В отношении деятельности информационных провайдеров на территории РФ действует Федеральный закон № 187-ФЗ «По вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях», который частично определяет правосубъектность электронных посредников и рамки их ответственности. «На них распространяются классические требования к правоспособности юридических лиц, к их деликтоспособности. Специальные основания ответственности цифровых посредников установлены в полной мере лишь для операторов инвестиционных платформ, при этом, несмотря на все более активное участие цифровых посредников в гражданских правоотношениях, по-прежнему не проработаны в достаточной степени основания их привлечения к гражданско-правовой и уголовной ответственности в случае нарушения ими прав граждан и юридических лиц» [8, с. 74].

В качестве практических примеров, иллюстрирующих функции цифровых агентов, помощников и медиаторов, можно привести анализ функционирования бизнес-моделей B2B, B2G и B2C: конкурентные закупки B2B (business-to-business) и государственный деловой оборот B2G (business-to-government) являются той сферой, в которой программно-аппаратные комплексы дают качественное повышение эффективности работы, – «за считаные часы выполняются те бизнес-процессы, на которые в традиционной парадигме отводились недели» [9, с. 440]. Модели ведения бизнеса B2C (business-to-consumer) отличаются от предыдущих тем, что товар или услуга поставляется непосредственно потребителю, что подразумевает массовое производство и множественность коммуникативных взаимодействий [10, с. 64]. В рамках реализации данных бизнес-моделей значительная часть коммерческих функций передается генеративным системам ИИ (персонализация клиентской базы, ведение деловых коммуникаций, оптимизация процессов закупок и продаж, распознавание эмоций и интересов потребителей и т.д.), однако без должного уровня обучения сотрудников управление цифровыми помощниками может выйти из-под контроля, подвергая угрозам сохранность конфиденциальных данных и информационную безопасность. В подобных случаях ответственность лежит в большей степени на продавцах (B2G, B2C), либо распределяется между партнёрами на договорных условиях (B2B). К сожалению, в данный момент функционирование систем искусственного интеллекта в качестве электронных посредников практически не регулируется законодательством РФ.

Вовлечение цифровых технологий в потребительские отношения требует глубокого изучения структуры договорных взаимодействий, формируемых на базе посреднических платформ, где необходим адаптивный дифференцированный подход, учитывающий специфику правосубъектности ИИ. Как отмечают исследователи, в современной системе правового регулирования уже сформулированы нормативы электронного оформления документов, урегулирован процесс электронных закупок, но не определён статус ИИ в контексте автоматизации коммерческой деятельности [9, с. 451]. К решению данного вопроса существует несколько подходов:

1. Определение ИИ как технологического инструмента, применяемого человеком в рамках собственной деятельности. В этом ключе цифровые технологии считаются объектом права, ответственность за деятельность которых ложится на реальных юридических субъектов (собственников, создателей, пользователей) [11, с. 126].
2. Определение ИИ как электронного субъекта права. Данная концепция рассматривается исследователями с целью разрешения спорных вопросов, касающихся снятии ответственности с физических лиц в случае нарушений и ошибок, совершенных ИИ [12, с. 79]. На данный момент правосубъектность ИИ не принята ни в одной стране мира, включая РФ.
3. Концепция условно специальной правосубъектности ИИ. Данный подход предлагается для решения вопросов авторства и интеллектуальных прав, если работы составляются исключительно генерирующими системами ИИ. Кроме того, зафиксированы случаи, «когда искусственный интеллект рассматривает простейшие хозяйственные споры и выносит судебные решения, которые должны исполняться, что также ставит вопрос о необходимости закрепления правового статуса за искусственным интеллектом. В этом случае предложенная концепция способна регулировать возникающие правоотношения» [12, с. 79–80].

Безусловно, проблема присуждения статуса правового субъекта технологиям ИИ считается очень сложной и спорной, однако некоторые передовые государства (Япония, Саудовская Аравия, ОАЭ) стремительно приближаются к этой идее, предоставляя патент, интеллектуальные премии, статус резидента и гражданина страны роботам, чат-ботам и компьютерным программам: например, в Эр-Рияд в 2017 г. робот София получила гражданство Саудовской Аравии [13, с. 775]; в ОАЭ в 2023 г. был принят закон в рамках Национальной стратегии ОАЭ по развитию искусственного интеллекта до 2031 г., который определяет ИИ как равнозначного партнёра по деловым отношениям и транзакциям (автоматизированный посредник) [3, с. 637]. В резолюции ЕС также дается нормативное дополнение о том, что в случае полной автономности робота нет возможности привлечь третье лицо в качестве ответственного за действия искусственного интеллекта и ситуация требует особого рассмотрения и специфических решений [13, с. 780].

На территории России такие категоричные решения не рассматриваются на законодательном уровне, что определяет меры ответственности, возлагаемые исключительно на человека (физическое или юридическое лицо, признаваемое субъектом ответственности за последствия работы систем ИИ) в соответствии с требованиями Национальной стратегии развития искусственного интеллекта. Кроме того, российское законодательство предусматривает ограниченный перечень свободного использования цифровых технологий, применение которых возможно исключительно в мирных целях во благо государства и общества.

В контексте перспектив развития коммерческих правоотношений посредством внедрения систем ИИ в бизнес-процессы оптимальным решением является расширение законодательной базы, учитывающей специфику правосубъектности ИИ, ограничение рисков и справедливое распределение ответственности. Для поддержания правовой стабильности законодательные меры должны обеспечивать баланс между развитием электронной торговли, защитой предпринимателей и развитием технического прогресса (возможным механизмом поддержки бизнеса является распространение методов страхования от технологических угроз и рисков).

Для оптимизации регулятивных процессов современные исследования предлагают «ввести институт электронного лица с элементами ограниченной правосубъектности» [14, с. 91], что представляется значительным шагом к решению вопросов правового статуса ИИ и распределения ответственности за последствия его деятельности. В качестве предшествующих мер можно предложить теоретическое закрепление положений об ограниченном статусе правового субъекта, присуждаемого ИИ, в законодательстве РФ с выявлением спектра вероятностных ситуаций, в рамках которых ИИ будет обладать отдельными правами и обязанностями [15, с. 28–29]. Это необходимо для исключения бесконтрольного и безответственного использования цифровых систем.

Обсуждение и заключение. В условиях стремительной цифровизации всех видов коммерческих отношений остро встает вопрос пересмотра правового статуса ИИ в России. Необходимость внедрения законодательных корректив в существующий регламент деятельности искусственного интеллекта растёт по причине масштабной имплементации цифровых технологий в различные бизнес-процессы благодаря их разнообразным способностям и вариативным областям применения: когнитивные способности (быстрая обработка информации, адаптивность систем под разные требования); смыслопорождающее мышление и аналитические навыки; речемыслительные

навыки (способность учиться, в том числе самостоятельно); критическое мышление (восприятие созданной другими информации, умение оценивать и интерпретировать); творческие способности (создание уникальных проектов и новых разработок; способность взаимодействия с реальностью) и т.д. [12, с. 80].

На сегодняшний день недостаточно просто установить правила, регулирующие использование ИИ при заключении контрактов, ведении документооборота или в качестве цифрового агента. В новых моделях электронного бизнеса компьютерные программы и алгоритмы самостоятельно устанавливают связи между предпринимателями, потребителями и государством. В таких правоотношениях системы ИИ являются активными участниками и имеют существенный потенциал для дальнейшего развития, в результате чего помимо общих руководящих принципов гражданского и коммерческого права, необходимы новые требования и обоснования для обеспечения безопасности и прозрачности цифровизации бизнес-процессов.

Список литературы / References

1. Russell SJ, Norvig P. *Artificial Intelligence: A Modern Approach (4th Ed.).* Harlow, UK: Pearson Education Ltd; 2021. 1166 p.

2. Белошапкина А.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта в России и за рубежом. *Вестник магистратуры*. 2022;10–3(133):42–49.

Beloshapkina AA. Legal Regulation of Artificial Intelligence in Russia and Abroad. *Vestnik magistratury (Postgraduate Education Bulletin).* 2022;10–3(133):42–49. (In Russ.)

3. Allouzi AS, Krim K, AlKhamaiseh MA. The Effects of Artificial Intelligence and Modern Technology on Commercial Transactions for Commercial Transactions Law 2023. *Evolutionary Studies in Imaginative Culture.* 2024;8.2(S2):635–652. https://doi.org/10.70082/esiculture.vi.1070

4. Нематов А.Р., Абдуджалилов А. Теория, практика и техника электронного договорного права. *Юридическая техника*. 2021;(15):544–548.

Nematov AR, Abdujalilov A. Theory, Practice and Technology of Electronic Contract Law. *Juridical Techniques.* 2021;(15):544–548. (In Russ.)

5. Волинец К. Нормативно-правовое регулирование электронного документооборота. *Вестник науки*. 2024;3(7(76)):115–121.

Volinets K. Regulatory and Legal Regulation of Electronic Document Management. *Vestnik nauki (Science Bulletin).* 2024;3(7(76)):115–121. (In Russ.)

6. Petit N. Law and Regulation of Artificial Intelligence and Robots-Conceptual Framework and Normative Implications. *SSRN*. 2017. https://doi.org/10.2139/ssrn.2931339

7. Weitzenboeck EM. Electronic Agents and the Formation of Contracts. *International Journal of Law and Information Technology*. 2001;9(3):204–234.

8. Белов В.А. Цифровое посредничество и потребительские отношения: правовая природа и ответственность. *Актуальные проблемы российского права*. 2022;17(8(141)):68–82.

Belov VA. Digital Intermediation and Consumer Relations: Legal Nature and Responsibility. *Actual Problems of Russian Law.* 2022;17(8(141)):68–82. (In Russ.)

9. Казанцев Д.А. Проблемы и перспективы регулирования отношений в рамках сделки, совершенной с участием искусственного интеллекта. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023;1(2):438–463. https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.18

Kazantsev DA. Problems and Prospects of Regulating Relations within a Deal Effected with Participation of Artificial Intelligence. *Journal of Digital Technologies and Law.* 2023;1(2):438–463. (In Russ.) https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.18

10. Chaffey D. *E-Business and E-Commerce Management: Strategy, Implementation and Practice. (4th Ed.).* Harlow, UK: Pearson Education Ltd.; 2009. 765 p.

11. Грузинская М.А. Проблемы определения правового статуса искусственного интеллекта. Журнал правовых и экономических исследований. *Journal of Legal and Economic Studies*. 2023;3:123–127. https://doi.org/10.26163/GIEF.2023.34.87.016

Gruzinskaya MA. On Defining Legal Status of Artificial Intelligence. *Journal of Legal and Economic Studies.* 2023;3:123–127. (In Russ.) https://doi.org/10.26163/GIEF.2023.34.87.016

12. Кирилова Е.А., Зульфугарзаде Т.Э. К вопросу о правосубъектности искусственного интеллекта. *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2024;4(271):76–80.

Kirilova EA, Zulfugarzade TE. On the Issue of Legal Personality of Artificial Intelligence. *Property Relations in the Russian Federation*. 2024;4(271):76–80. (In Russ.)

13. Atabekov A, Yastrebov O. Legal Status of Artificial Intelligence across Countries: Legislation on the Move. *European Research Studies Journal*. 2018;21(4):773–782. https://doi.org/10.35808/ersj/1245

14. Афанасьевская А.В. Правовой статус искусственного интеллекта. *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2021;4(141):88–92. https://doi.org/10.24412/2227-7315-2021-4-88-92

Afanasyevskaya AV. Legal Status of Artificial Intelligence. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii (Bulletin of the Saratov State Law Academy)*. 2021;4(141):88–92. (In Russ.) https://doi.org/10.24412/2227-7315-2021-4-88-92

15. Крысанова Н.В. К вопросу о правосубъектности и правовом развитии искусственного интеллекта. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература*. Серия 4: Государство и право. 2021;(1):23–31. https://doi.org/10.31249/rgpravo/2021.01.02

Krysanova NV. On the Issue of Legal Personality and Legal Development of Artificial. *Social and Humanitarian Sciences: Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law.* 2021;(1):23–31. (In Russ.) https://doi.org/10.31249/rgpravo/2021.01.02

Об авторах:

Анастасия Борисовна Шумилина, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Коммерческое и предпринимательское право» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), SPIN-код, ORCID, nashum82@mail.ru

Наталья Александровна Анциферова, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Коммерческое и предпринимательское право» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), SPIN-код, ScopusID, ORCID, nata-rui@mail.ru

Заявленный вклад соавторов:

А.Б. Шумилина: формирование основной концепции, цели и задач исследования, подготовка текста, формирование выводов.

А.Н. Анциферова: анализ результатов исследований, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов: **авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.**

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Anastasia B. Shumilina, Cand.Sci (Law), Associate Professor of the Commercial and Entrepreneurial Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), SPIN-code, ORCID, nashum82@mail.ru

Natalia A. Antsiferova, Cand.Sci (Law), Associate Professor of the Commercial and Entrepreneurial Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), SPIN-code, ScopusID, ORCID, nata-rui@mail.ru

Claimed Contributorship:

AB Shumilina: formulating the main concept, aim and objectives of the research, preparing the text, formulating the conclusions.

NA Antsiferova: analysis of the research results, refining the text, correcting the conclusions.

Conflict of Interest Statement: **the authors declare no conflict of interest.**

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 11.04.2025
Поступила после рецензирования / Revised 06.05.2025
Принята к публикации / Accepted 12.05.2025